

ТОНКАЯ НИТЬ

повести и рассказы

НАТАЛЬЯ
АРБУЗОВА

Наталья Ильинична Арбузова

Тонкая нить (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=650835

Тонкая нить: Время; Москва; 2011
ISBN 978-5-9691-0889-9

Аннотация

В 2008 году вышла книга Натальи Арбузовой «Город с названием Ковров-Самолетов». Автор заявил о себе как о создателе своеобразного стиля поэтической прозы, с широким гуманистическим охватом явлений сегодняшней жизни и русской истории. Наталье Арбузовой свойственны гротеск, насыщенность текста аллюзиями и доверие к интеллигентному читателю. Она в равной мере не боится высокого стиля и сленгового, резкого его снижения.

Содержание

Автопортрет на фоне времени	6
1. Пролог	6
2. Что я делала во время штурма Белого дома в 91-м году	8
3. Что делал в это время мой сын Митька	10
4. Что говорил тогда мой сын Андрей и что я ему отвечала	11
5. Мое имперское мышление	12
6. Паче чаяния	14
7. Плохие шутки с будущим	16
8. Что я делала во время штурма Белого дома в 93-м году	18
9. Что делал в это время мой сын Андрей	21
10. Что делали в это время купавенские жители	22
11. Пейзаж после битвы	23
12. Несанкционированные	25
13. Неуязвимая стратегия	27
14. Бесы	28
15. Москва – Петушки	30
16. С неожиданной стороны услуга	31
17. Отдушина	33
18. Выборы советские и постсоветские	35

19. Монархизм	36
20. Зайцы	37
21. Декабрьские вечера	39
22. Иллюзион	40
23. Таганка, Митька и Христос	41
24. Большой, или Из честной юности в плутовскую старость	42
25. Поводырь	43
26. Фестиваль	44
27. Портрет художника в юности	45
28. И за учителей своих заздравный кубок подымает	46
29. Антисемитизм	48
30. Прореженные	50
31. Как мы выжили	51
32. Школа в войну	53
33. Похвала сестре	54
34. Руины и сокровища	55
35. По главной улице с оркестром	56
36. Арест отца	57
37. Одни	58
38. Евгения Михайловна Танберг	59
39. Дриада	60
40. Фронда	61
41. Марина Скурская	62
42. Смех и слезы	64

43. Дедушкино завещанье	67
44. Не ждали	68
45. Спаси и сохрани	69
46. Хоть и поспешный, но удачный выбор	70
47. И вот нашли большое поле	72
48. Магистр математики	73
49. Пока еще все хорошо	74
50. Еду на целину	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Наталья Ильинична Арбузова Тонкая нить (сборник)

Автопортрет на фоне времени *Поэма в прозе*

1. Пролог

Здесь на переднем плане все время будет моя физиономия, но иной раз лезут в кадр и другие лица, тоже довольно нахрапистые. Я их пропущу вперед, чтоб не толкались. Так вот, у моего второго по счету мужа дед был крестьянин Курской губернии. Его раскулачили, когда всех раскулачивали, и выслали. А доперез того он считался бедняком, и в восемнадцатом году ходил пешком за много верст на съезд деревенской бедноты. Сохранилась выцветшая групповая фотография с этого съезда, и в то второе царствование я не раз держала ее в руках. На обороте корявым почерком было написано: «Этот снимок сделан тогда, когда мы пытались построить жизнь братскую и любовную». Так один-единственный

разочек, на короткую минуточку улыбнулась мне задумчивой андрей-платоновской улыбкой страшная наша история. Это присказка, а сказка – сказка дальше пойдет.

2. Что я делала во время штурма Белого дома в 91-м году

На работе в тот день толку было не добиться, все бежали вон, и ворота были настежь. На пожарном щитке висела недоворованная лопата. Я взяла ее на плечо и отправилась в Купавну на свою четвертушку дачи корчевать пни. Пока я шла до соседней столовой отоваривать даровые обеденные талоны, убегаящие сотрудники наперебой спрашивали меня, не защищать ли Белый дом я собралась. Я отвечала бойко: «Ну конечно, они на нас с саперными, а мы на них со штыковыми».

Тут скоро я заметила, что моя лопата – такая же туфта, как и всё советское. Хорошую давно скрали, а эта была ржавая, надломленная и красной краской крашенная аки гроб повапленный – не лопата, а сущая аллегория советского строя. Я переломила ее сильной рукой, приговаривая: «Так-то вот...» На этом я отвела душу. Обходя старую шуховскую радиобашню, под которой родилась, я еще раз отвела душу, прицепившись к молодому солдату, сидевшему в бэтээре с несчастным лицом: «Сынок, что ж это ты против своих!» Бедняга отворачивался, а я прытко бегала кругом бэтээра и всё заглядывала ему в глаза. Зашла за хлебом – на булочной висела листовка. Вздела очки, прочла ее от доски до доски.

В электричке мест не было, но рядом с единственным в

вагоне офицером никто не садился. Вскоре я уже корчевала пни походным топором и лопатою не менее ветхой, чем недавно мною преломленная, вычитывая себе вслух:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые —
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир.

Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был
И заживо, как небожитель
Из чаши их бессмертья пил.

3. Что делал в это время мой сын Митька

За полгода или поболее до этого события Митька, похоже, заходил на какие-то инструктажи и заговорил, что вот де будет штурм Белого дома, надо будет его защищать. Я поняла, что противостоянье готовится с обеих сторон, и сказала кратко: «Только не клади за это жизнь – ни на той, ни на другой стороне нет абсолютной правоты». Однако ж вышло так, что применить на практике полученные знания Митьке не пришлось. Во время «Ч» он был в деревне с женой и четырьмя детьми, да сватья моя гостила у них, как нельзя более кстати. Митька на сеновале слушал голоса и порывался серед ночи пешком уйти за десять верст на станцию Ветлужская, но теща не дремала и, глядишь, обошлось. Когда всё более или менее благополучно закончилось, я перекрестилась широким крестом, что вообще отделались малой кровью и что Митька своих четверых детей не осиротил. А того не знала, что большая кровь еще впереди.

4. Что говорил тогда мой сын Андрей и что я ему отвечала

Он сказал: «Если, конечно, они здорово пугнут, тогда конечно». Я напустилась на него: «Не бывать этому! Бьюсь об заклад головой и при советской власти в любом случае больше не жить не буду». Как скоро всё закончилось, на улицах были сплошные улыбки, а я злорадно цеплялась к Андрею: «Ну что, пугнули они? А теперь их самих пугнут, этих Пуго. Уж министру обороны за танки против толпы точно будет расстрел». Я попала пальцем в небо: ни этому, ни следующим министрам обороны за такие штучки ровным счетом ничего не было. В одном я все-таки была права: танков далеко не все люди боялись.

5. Мое имперское мышление

Не боялись танков десятилетние чеченские дети. Тут мое сердце было раздираемо противоречивыми чувствами. Земли, завоеванные генералом Ермоловым, где Иван Северьяныч под ангельским крылом горную реку переплывал и под пулями переправу наводил, я отдавать не соглашалась ни в какую. Потому и склонялась к мысли, что надо добивать раненого зверя, идущего на нас, охотников, во весь рост. Но восхищение гордым врагом, вечным врагом, никогда не замиренным, часто брало верх. Поражение же было непереносимо. Теперь вот злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал. Бегите, русские девицы, спешите, красные, домой – чеченец ходит за рекой. И взять нечем. Бомбить больше нельзя – хватит, отбомбились. А непосредственно на пороге его дома мы его на этот раз, в этот вообще скверный для России час не одолели. Ничего, еще одолеем. Митька сразу на меня окрысился: «А жизнь Мишки ты согласна за это положить?» Мишка – его сын, сейчас, когда я это пишу, он поступает в институт. Я тут же спохватилась: «Нет!» Так я была вконец посрамлена вместе со своей семьей и своим народом.

Лет пятнадцать тому назад я, сердясь на эстонцев, говорила: «Советская власть не вечна, а от России вам еще попадет». Во мне есть немецкая дворянская кровь тех мест – я одним боком из «остзейских», и мне под Ревелем генетиче-

ски уютно. Я всегда думала в простоте, что об этих землях могут спорить с Россией ну Германия, ну Швеция, а эстонцы вроде как ни при чем. Ворчала: «Вас Петр как завоевал, так никто вас еще назад не отвоевывал». Митька, у которого тоже есть свои убеждения, меня корил.

Ну хорошо, читатель, а зачем же насильно заставлять людей учить эстонский язык? Ты сначала создай великую культуру, тогда твой язык будут учить, еще и деньги будут платить. Однажды я слыхала, как эстонец с латышом нехотя объяснялись по-русски. А по-немецки они не знали. Я очень смеялась.

6. Паче чаяния

Насчет того, что советская власть не вечна, это я говорила для красного словца. Я сама в свою болтовню не верила и другой раз убеждала людей, держа за пуговицу, что процесс национализации необратим. Когда она, советская власть, приказала долго жить, я стала спрашивать Митьку, ждал ли он этого, надеялся ли увидеть своими глазами. Он честно отвечал, что не ждал и не надеялся. И я не ждала. Глядела, как привычно шарит по экрану прожектор перестройки, и ворчала: «Перестройка, перестрелка... Перестрелка за холмами, виден лагерь их и наш». Вдруг повеяло воздухом, будто форточку открыли в камере, набитой зэками. Интонация с экрана сменилась. Я сделала стойку.

А кто это у нас пел: «Пе-ре-мен! Пе-ре-мен!». Первым делом на работе мне снизили зарплату. Я сказала: «Пускай! Согласна камень на горе бить, лишь бы она сдохла». Готова была все отдать на сожжение в жертву за нечаянную радость. Однако платить пришлось больше малосмысленным, не взыскующим свободы людям, ничего взамен не получившим.

Она умерла сама в ранней, но отвратительной, маразматической старости, будто наступила уж не биологическая смена руководства, а биологическая смена строя. Смердит ее левиафанья туша, и бьют нас жестокие лихорадки.

Я приступала к любимой невестке Ленке, носящей у меня прозвище «крестненькая», и не без основания: «Ненавидели мы советскую власть?» – «Ненавидели», – отвечала с присущей ей прямоотой. – «Хотели ей гибели?» – «Хотели», – вздыхала она. – «Значит, теперь должны барахтаться и выплыть!» На том и порешили.

7. Плохие шутки с будущим

На работе мы занимались конечно же туфтой. Писали на последние годы пятилеток планы по добыче нефти, якобы посчитанные с помощью сложной математики, а на самом деле спущенные нам сверху. У меня и язык без костей наболтался, и шкодливая рука привыкла писать в пустографках: «1980, 1985, 1990...». Но сколько веревочке ни виться, а конец бывает. И вот он пришел, этот 1990-й. Мой бог, как же он был страшен! Взглянув в его жестокое лицо, я возопила в стыде и отчаянье: «Вот нам наши блудливые игры с будущим! Вот нам наши туфтяные перспективные планы!»

За несколько лет до этого апокалиптического 1990-го я ораторствовала перед пустым магазином сантехники на Кутузовском проспекте, обращаясь к слесарям. Те продавали на улице краденые краны, выданные им для бесплатной установки жильцам их участка. Я кричала: «Мужики! все разворуете, все распродадите, а как нечего станет воровать, уже меня вспомняете!» И вот час расплаты настал. Все было раскрадено, все съедено, все загажено. Пришло время пустых прилавков и неотоваренных талонов. Спившийся, скурвившийся, избаловавшийся народ бился в очередях за водкой — ее не хватало.

В магазин каждый день завозили какой-нибудь один продукт, чаще всего маргарин или майонез. Люди стояли за ним

весь день и брали, сколько дают. Еще было мороженое в киосках. За ним тоже стояли – его растапливали и варили детям кашу. Я испугалась, когда пропала соль, ходила из угла в угол, бормоча:

А соли нет – хоть бы щепоть!

«Посыпь мукой», – шепнул Господь.

А на муку – слеза рекой...

Потом нашлась, повесила в подъезде объявление: «Отдаю талоны на сигареты за соль». План мой сразу же сработал. Часть талонов я всё же отоварила «Беломором». Потом его курила в дворянском собрании седая красавица – княжна Ирина Владимировна Трубецкая.

8. Что я делала во время штурма Белого дома в 93-м году

Ну, кто там у нас пел:

А с нами ничего не происходит
И вряд ли что-нибудь произойдет?

Вот уж не пророк был. Как начало с нами происходить, так не всегда и обрадуешься. Все же я люблю стрельбу и заварушку – я скорпион, а он марсианский. Дотянули мы и до 93-го года, любимого мною с детства 93-го года Виктора Гюго. Митькина семья тогда жила на задворках Арбата, на улице Рылеева. Первое побоище на Смоленской было рядом с ними. Потом вокруг них началась снайперская стрельба с крыш. Из их школ и детсадов позвонили им, чтоб детей не выпускали. Митька ходил с работы по стеночке со стороны Пречистенки, а я справлялась по вечерам, дошел ли он до дому.

Потом был штурм Останкина. Дальний мой приятель Эдик лежал там полдня на брюхе в стане атакующих и простудился на год вперед. По телевизору было не «Лебединое озеро», как в 91-м году, а страшное дежурство одной телепрограммы всю ночь в эфире. Я заснула, препоручив Богу судьбы России и своей многочисленной по нынешним мер-

кам – аж в семь внуков – семьи. Дед мой расстрелян, отец сидел, и я хорошо понимала, что очередь за мной, моими детьми и внуками. Положи Бог камушком, подыми калачиком. Я проснулась – уже бэтээры вошли в Москву, и скоро как ни в чем не бывало поехала с квитанцией в зубах получить из перемотки мотор от стиральной машины ЗВИ (завод Владимира Ильича). Но не тут-то было.

Ехать надо было за Абельмановскую заставу. Но по Таганке шли войска, а 16-й троллейбус не шел. Я села на ограду из гнутой водопроводной трубы и стала петь себе:

Помню, я еще молодухой была,
Наша армия в поход куда-то шла.

Мимо промчался с заводской окраины грузовик под красным флагом, битком набитый рабочими. За ним поспешал автобус с людьми в серой форме. Кругом была заварушка. Мне стало весело. Долго ли, коротко ли, пришел троллейбус. Потом мне пришлось идти по длинному загибающемуся проезду, целиком состоящему из заводских заборов и запертых ворот. Мой завод тоже был наглухо заперт, и ни души. Я нашла удобное место, перелезла через забор, отыскала нужный цех. Там куковали две женщины. Они сказали, что их не выпускают ни на обед, ни домой. Мотор мой был готов, они мне его отдали и написали гарантию. Я перекинула через забор сумку с довольно тяжелым мотором, повесив ее

на смертоносный кол, долженствующий вонзиться в пытающегося перелезть, перекрестилась и полезла. Тут откуда ни возьмись отыскался охранник в камуфляже и с внутренней заводской стороны ухватил меня, сидящую верхом на заборе, за ногу. Пока кол не распорол мне брюха, пришлось слезать. Я предъявила мотор и данную мне гарантию, оправдывая свое посещение бытовой надобностью, а отнюдь не политической агитацией. Он отпустил меня, укоривши на прощанье: «В таком-то возрасте...»

9. Что делал в это время мой сын Андрей

Он уже жил тогда с женой и тремя детьми у Триумфальной арки, напротив Бородинской панорамы. Заняв с другом своим Коркиным место на мосту через Москву-реку, он глядел, раскрывши рот, как бухает артиллерия по Белому дому и как тот горит.

10. Что делали в это время купавенские жители

Прими во внимание, мой снисходительный читатель, что шел октябрь месяц. Кража капусты с совхозного поля освящена обычаем в не меньшей степени, нежели кража стаканов в столовой. Два кочна, уносимые под мышками – это считается совестью кражей в пределах личной потребности. Безземельные поселковые старухи ходили, бывало, через лес с хозяйственными тележками и квасили ведро капусты на зиму. Наглые люди приезжали на машинах и увозили многими пудами. Но никогда это воровство не было так дружно, беззастенчиво и демонстративно, как во время описываемых мной октябрьских событий. Поселок вышел в поле в полном составе. Это было похоже на соцреалистическую картину «Уборка урожая», висящую в столовой дома отдыха. Весело перекликаясь, купавенские жители сняли капусту подчистую. И я там был, и мед я пил.

11. Пейзаж после битвы

Расчет купавенских капустокрадов был верен: силы пра-вопорядка были задействованы в Москве. Их отличную ра-боту я увидела своими глазами, приехавши в Москву через несколько дней. Народ в транспорте был побитый, в мрачных кровоподтеках, много рук на перевязи. Люди говорят, задер-жанных били и отпускали без выяснения личности. Бедняги были рады и тому. Убитых теперь не только не хоронили с большим шумом, как в 91-м, но и не считали. А всего неде-лю назад я видела, как бодро едут по нашей заводской Ни-жегородской ветке рабочие из Реутова, Железнодорожного (Обираловки) и Электростали, все с железными прутьями в руках. Эта дьявольская Электросталь – страшное место. Од-нажды я была там по делу и долго ждала электрички. С заво-да выползло темно-желтое серное облако, село на платфор-му и меня мало не убило. Еще однажды в Москве я вместо 18-го автобуса оплошно села на 19-й, заехала на Станколит и не в шутку испугалась – там было как в аду. Если бы меня ежедневно так травили, вряд ли у меня был бы кроткий нрав, если он вообще у меня кроткий. Утешимся тем, что в позд-несоветский период рабочие в цехах находились эпизодиче-ски. Большую часть дня они сидели на чахлых газонах внут-ризаводской территории и пили, закусывая чем бог послал.

Опять езжу я на ранних поездах по Нижегородской вет-

ке. Рабочие аж из Петушков тащатся на «Серп и молот», занимают друг другу места, бегают курить в тамбур, играют в карты. Опохмеляются водкой, дорого продаваемой бойкими разносчицами, что ходят с утра пораньше по вагонам. На стенах заводов вдоль пути уже замазаны бранные фразы, крупно написанные в октябре: тот-то палач, тот-то предатель.

Как ни избегала я присутствовать при штурме Белого дома, судьба все же насмеялась надо мной. Позднее я ходила в Белый дом по нефтяным делам. Сходила этак раза два, а на третий – о ужас! – подхожу к нему, а с другой стороны на него и на меня прут танки. И за парашетом мечется жидкая толпа. Не скоро разглядела я, что то была массовка киносьемки. Того ради были и танки.

12. Несанкционированные

Где теперь «Макдональдс» на Пушкинской, там в горбачевские времена еще была столовая на углу. Я шла от самой консерватории, и так мои глаза были отведены, или восхищены, или удержаны тем, кто хотел мне нечто показать, что я не увидала пельменной на Герцена, или Никитской, и дошла до этого угла Пушкинской. Поевши, я было собралась выходить, ан глядь – не выпускают.

Прежде всего надо прорваться, а там уж на улице сама обнаружится причина, по которой нас заперли. Под громкие протесты поваров я прошла через кухню и вышла на Горького-Тверскую. Обогнула угол и поняла, что нахожусь внутри серьезного, в несколько рядов омововского оцепленья. В торце бульвара митинговали восемь-девять человек. Как мне потом объяснили, это был мини-митинг Валерии Новодворской. Против них были выдвинуты силы человек в 120 серых беретов. Стояло каре из автобусов. Я подошла ближе, вспрыгнула на каменный бордюр и побежала по нему – поглядеть вплотную. Но ближайший омововец сдернул меня вниз за голенастую ногу. Тогда я стала медленно ретироваться, не делая резких движений, лицом к митингующим, спиной к автобусам. Омововцы частью остались в оцепленье, а иные подошли к митингующим по шесть-семь человек на брата. Окружили каждого и отсекли, как белые кровяные

теляца микроб. Стали без применения рук теснить к автобусам. Возле автобусов уже применили руки, то есть попросту затолкали внутрь. Я той порой беспрепятственно прошла все линии оцепленья и благополучно удалилась. Видно, всех, кого велено было брать, они знали в лицо.

Один немец говорил по телевизору: «О, мне жаль этого человека – Горбачева! Он дал всем свободу, и все его топчут». Мне тоже его немного жалко, хотя жалко у пчелки, как говорили у нас в советской школе.

13. Неуязвимая стратегия

Да будет вам известно, если до сих пор вы этого не знали, что в советское время посещение политзанятий на работе было обязательным. За один прогул вызывали в дирекцию. Лично я приладилась так. Занятия проходили в пристроенном к зданию актовом зале с двух дверях: одна в здание, другая, заложённая извне засовом – во внутренний двор. Её я загодя открывала и подпирала пустым ящиком. Через неё я потом ускользала, отметившись в журнале, и аккуратно задвигала засов. Стратегия моя работала без единого сбоя в течение двенадцати лет, вплоть до перестройки.

14. Бесы

КГБ оприходовал меня в 77-м году. Сотрудница 1-го отдела вызвала меня в свой вертеп и велела идти якобы в райком партии, к которой я никакого касательства не имела, рассказать о работе отдела. Я укрылась в кабинете нашего вполне человекообразного замдиректора Кузьмина и сказала ему, что без его приказа никуда не пойду. Он побежал выяснять, откуда ветер дует. Пришел смурной и говорит – надо. Послали меня на улицу Бахрушина, близко обожаемого мною со школы Бахрушинского музея. Никакого райкома там не было, а был запертой подъезд со звонком. Мелкий бес стал спрашивать, кого я знаю из посетителей Киселевки – позднее сожженной КГБ нелегальной дачи в Коктебеле безногого художника Юрия Иваныча Киселева. Я тут же вспомнила, что в мае туда явилась будто бы паспортная проверка и переписала паспорта – мой и еще двоих его гостей. Я сказала, что знаю только вот этих двоих, и дала в том подписку. Дальнейший полуторачасовой разговор шел по схеме «говорю я ей про птичку, а она мне про пальто». Он мне о политических разговорах на Киселевке, а я ему о том, что продавцы нарочно режут пополам батон колбасы, покупаемой приезжим, чтобы возбудить недовольство в провинции. Так мы и расстались, бесенок с колбасой в зубах, а я с сильным беспокойством за судьбу Киселевки, которое вскоре оправдалось.

Другой мелкий бес пришел ко мне на работу, чтобы я снова не подняла шуму. Он пытал меня, кто бы это из наших однокурсников мог посетить в Вермонте Наталью Дмитриевну Солженицыну, учившуюся со мной в одной группе. Я сказала, что ума не приложу. Больше они не приходили, не к ночи будь помянуты. Однако ж слухом земля полнится, и вскоре молодой сотрудник, получивший вызов на Бахрушина, пришел со мной советоваться. Он был неловок в ответах, и его таскали год. А я его всякий раз приуготовляла, что можно сказать безопасно для других. Через год мы уже советовались вчетвером, сидя на гимнастических брусьях – все, кого таскали из нашего института, – и смеялись: «Карбонарии!». Это были не такие уж страшные времена. Меня зацепило пулей на излете.

15. Москва – Петушки

Когда Веню Ерофеева вызывали в КГБ, ему пришлось доказывать, что мысли его лирического героя и его собственные не обязательно совпадают. Ведь писал же Бунин: «Я простая девка на баштане». Но мы-то знаем, что он не девка и отнюдь не прост. Если же меня начнут когда-нибудь таскать в КГБ, уж как там оно тогда будет называться, за эту мою книгу, то мне так блестяще отвертеться не удастся – она шита белыми нитками.

По своей Нижегородской ветке Курской дороги ездит со мной тень покойного друга Венички, каким лежал он на диване в последний свой год – с большим горлом, разрезанный, завязанный, худой и непривычно ласковый напоследок. Долгие годы он сердился, что я к нему хожу не по чину, без бутылки. Потом уж я махнула рукой его беречь и стала носить что положено. Он на радостях подарил мне книгу стихов Батюшкова, до коего был большой охотник, с надписью: «Наташе в знак окончания многолетних недоразумений». И вот я считаю станции, главы его книги, и вся меня окружающая, его отпустившая жизнь – ходячее недоразуменье. По-прежнему на обеих дверях тамбура нацарапано одно и то же вечное краткое слово. И книжка Батюшкова у меня намертво, а мою «Сагу об Иёсте Берлинге» он когда-то обменял на бутылку пива.

16. С неожиданной стороны услуга

Теперь КГБ называется «федеральная служба безопасности». Я знаю это потому, что она меня пропихнула в дворянское собрание. Смех смехом, а дед мой, бывший предводитель дворянства Орловского уезда, был расстрелян в феврале 38-го после целого года допросов, за несколько дней до своего восьмидесятилетия. Грех истязать и убить кроткого старика. Но вот пять лет тому назад орловский Тургеневский музей мне прислал вырезку из местной газеты – статью «Обреченный» о деятельности и мученичестве деда.

С Тургеневским музеем у меня дружба, они ко мне пишут, ездят и звонят. От них я знаю, что незадолго до ареста, в 36-м году, дед подарил государственному литературному институту подлинные письма Пушкина к Петру Киреевскому, архив которого принадлежал ему, позднему славянофилу, автору книг о братьях Киреевских и Алексее Степаныче Хомякове.

Я, не будь глупа, написала на адрес «Орловской правды» письмо к автору статьи, прося у него копии архивных документов, которыми он руководствовался. Редакция просто-душно ответила, что передала мое письмо автору в органы госбезопасности. Копии архивных документов были мне присланы уже с печатью «федеральной службы». Я отнесла эти красноречивые бумаги в герольдию дворянского собра-

ния. Там были несколько шокированы источником моих сведений. Но я предъявила вырезку из газеты и письмо редактора на бланке. Недоумение улеглось, и после представления метрических и брачных свидетельств до седьмого колена меня приняли в дворянское собрание.

17. Отдушина

По Веничкиной и моей дороге ходят поезда в Нижний Новгород, он же Горький, он же Сахаров. На них я езжу к детям на Ветлугу.

Свой первый, позднее сгоревший дом там Митька купил «по слову». Его жены Ленки дед преподавал математику в гимназии города Варнавина. Сохранились фотографии: гимназисты с учителями и батюшкой в рясе; гимназисты катаются на лодках по Ветлуге. А вот город не сохранился – теперь это село Варнавино. Слово за слово Ленка подзадорила Митьку. Тот доехал до Нижня Новгорода, дальше до станции Ветлужской по дороге на Вятку. Прошел пешком от Варнавина четыре версты до умирающей деревни Бердничихи, где из сорока дворов осталось четыре. Залюбовался с «угора» – с высокого берега – уходящими до Урала лесами и не сходя с места купил никому не нужную избу. С тех пор как я там побывала, у меня будто другие глаза вставлены. Я всё горевала, что де езжу в Эстонию да на Кавказ, а России-то не вижу. Дети, которые умнее меня, сразу взяли быка за рога.

Места раскольничьи, про них писал Мельников-Печерский. Вот те леса, вот те и горы. Вот те и нестеровская картина – мужик в картузе с высокого берега смотрит за реку, закинув голову, а рядом сидит согбенная женщина в платке. Возле деревни овраг по прозванию «поповский», там живет

волк и таскает туда поросят. У меня отец вятский, у Ленки и вовсе варнавинский. У моих внуков «дмитриевичей» тамошние гены с обеих сторон. То-то они там прижились, любо-дорого! Ну, отдохнули – пойдём дальше вдоль по каторге, по страшной нашей истории.

18. Выборы советские и постсоветские

На советские выборы я никогда не ходила, всегда не ленилась взять открепительный. Однажды попробовала не взять – мелкий бес пришел за мной и пригласил. Сидел на лавочке под окном, пока я оделась, и осуществил привод. На постсоветские выборы я ходила через два раза на третий, по настроению, но никогда не ходила под чьим-либо нажимом. Были одни веселые выборы, второй тур ельцинско-зюгановских. Мы заявили на избирательный участок в деревне Звернихе на Ветлуге – Митька, Ленка, я и двое их друзей. Последние трое проголосовали по открепительным, а Митька с Ленкой – без документов, на правах местных жителей. Итого пять голосов в плюс.

19. Монархизм

Мне думается, что во время этой последней ельцинско-зюгановской схватки многие почувствовали, сколь опасно верить судьбы отечества мнению большинства. Может быть, где бы и подтасовали, да лих не давали международные наблюдатели. А печальный пример Германии всем известен.

Вице-предводитель дворянского собрания Вадим Олегович Лопухин ездит в Мадрид, держа связь с Марией Владимировной и Георгием Михайловичем Романовыми. Однажды ему случилось спросить испанского рабочего, что он думает о монархии. Тот ответил радостно: «Власть должна быть красивой!» Это чисто испанская мысль – о великолепии власти. Я монархист, я монархист!!!

20. Зайцы

Я, наверное, буду ездить по своей Нижегородской ветке на протяжении всей книги, как Марсель Пруст по неторопливой железной дороге вдоль побережья в Бальбеке. Езда без билета в советском транспорте освящена обычаем в не меньшей степени, нежели кража капусты с поля или стаканов в столовой. Однако когда я однажды увидела в электричке контролеров с резиновыми дубинками, то решила, что смерть моя пришла. Сейчас я освоила следующую стратегию. Можно сидеть, читать, писать, но если образовался направленный поток людей сквозь вагоны, необходимо взять свои меры. Если «они» уже близко, а цель твоего путешествия – еще нет, тебя могут загнать в последний вагон и там настичь. Неиди вместе со всеми, мой почтеннейший читатель, поступи иначе. Стой смело в тамбуре своего вагона, который поближе к надвигающейся опасности. Гляди через стекло навстречу ей. Когда недруги придут в соседний вагон и проверят билеты в ближайшем к тебе тамбуре, они уйдут в вагон, а ты проникнешь в покинутый ими тамбур. Там ты будешь стоять лицом к двери с нацарапанным на стекле ругательством, доколе они не пройдут мимо тебя в вагон, откуда ты явился. Тогда иди, садись и пиши дальше.

Редко когда и где люди так радовались приближению старости, как в нашем отечестве и в наше времечко. Пока же у

меня не было пенсионного удостоверенья, я раздвигала сильными руками заслонки в метро и проходила. Иной раз они били меня по ногам, всегда в одно и то же место. Но время всё лечит, в том числе и мои хронические синяки в буквальном и переносном смысле.

21. Декабрьские вечера

Я могла бы еще взять патент на стратегию безбилетного посещения рихтеровских декабрьских вечеров. Я была счастливым обладателем двух неразменных билетов на них, один с неоторванным контролем, другой с оторванным. При входе в гардероб я показывала целый билет милиционеру – он контроля не отрывал. Из гардероба я не шла, как все добрые люди, через контролера в зал прямым путем, но окольным в запертой холл, в очередь за программками. Оттуда был другой вход в залы с другим контролером. В очереди же стояло много людей, поздно спохватившихся и вышедших за программками с уже оторванным контролем на билете. С ними я входила в зал, предъявив неразменный билет номер два. За многие годы я ни разу не попалась.

22. Иллюзион

Там был выход из зала с тамбуром. При последних кадрах фильма служительница отодвигала задвижку внешней двери и отходила с дороги толпы. Я в это время проникала в тамбур. Когда люди вставали, а свет еще не зажигался, входила в зал и быстро поднималась по лесенке на сцену, за экран. Из-за него выходила в тот момент, когда гас свет для следующего сеанса. Но эта моя стратегия оказалась ловленной и сработала всего раз десять.

23. Таганка, Митька и Христос

Честный Митька, дабы ходить на спектакли Таганки, помогал им строить новое здание и даже пробил гвоздем руку. Со следами гвоздей на руках аки Иисус Христос ходил он на «Мастера и Маргариту». Мои сыновья близнецы, оба козероги, стихия же козерога – земля. Но бывают козероги не от мира сего, как Спаситель наш, под этим знаком рожденный. Андрей – более приземленный козерог, Митька же лицом и интонацией смолodu был похож на Иисуса Христа. С возрастом это прошло.

24. Большой, или Из честной юности в плутовскую старость

Летом с восьмого класса на девятый я собирала в сквере у аптеки на Даниловской площади пузырьки от одеколона, выпитого добрыми людьми, сдавала по копейкам в аптеку же и набирала заветные не то 70, не то 80 копеек – минимальная цена билета в Большой театр. Вставала ночью в 4 часа без будильника, шла пешком через спящую Москву – тогда это было безопасно. Занимала очередь в кассу и, ежась, шла подремать на главпочтамт в зал междугороднего телефона. В 11 открывалась касса, я покупала билет на галерку на «Ромео и Джульетту» Прокофьева. Музыку я уже знала наизусть, и каждое движение Улановой тоже.

Лет в 45 я однажды отвела глаза билетерше и прошла на вагнеровскую «Валькирию» вообще без билета. Один и Брунгильда вылетели на клубящуюся туманом пустую сцену навстречу друг другу с серебряными копьями наперевес и возгласили, как серебряные трубы. Стоило пойти и на большее преступление ради этого.

25. Поводырь

В жертвенной молодости я была вроде Митьки. Тогда я училась на мехмате университета. После успехов Понтрягина туда приняли несколько человек слепых. Я с ними ежедневно занималась, а геометрию объясняла, стуча в стенку согбенным пальцем. Так себя и помню, мальчиком-поводырем, или же Миньоной, как вам будет угодно.

26. Фестиваль

Московский фестиваль молодежи и студентов открывался в тот год, когда я поступала в университет. В клетчатом платье собственного шитья с кривым воротом, с венком из ко-сы – я прорывалась на открытие фестиваля с рассвета. Ехала под сиденьями какого-то грузовика. Несла кому-то какие-то обручи. Отвечала на все вопросы: «нос компрандос», приду-мав эти слова на месте. Часов шесть-семь ушло на преодо-ление всех заслонов. И вот стою с разноцветными гостями фестиваля на поле, перед трибунами. Кругом летают голуби, я громко пою и очень хочу есть. С трибун бросают хлеб го-лубям, я его подбираю с газона и ем.

27. Портрет художника в юности

Помню себя все время идущей, поющей и голодной. Вот иду пешком в Пашков дом, на холме и в сирени, и на долгий весенний день зарываюсь носом в книги. Там, мой прилежный к книгам читатель, был читальный зал ленинской библиотеки для школьников. Вот слушаю музыку под чужими окнами – шарманщик наоборот. В нашем доме, к добру или к худу, нет радиотарелки. Мать моей бывшей одноклассницы, поступившей в хоровое училище на Якиманке, где я постоянно ошиваюсь, подкармливает меня и возит с собой в деревню. Как ты увидишь, мой умиленный читатель, не она одна. Моя же бедная мать чувствует себя в советской действительности растерянным зверем в клетке, который то не кормит детенышей, то таскает из угла в угол.

28. И за учителей своих здравный кубок подымает

Все отрочество и всю юность я пропела в хорах, получая от участия в слиянии человеческих голосов неизъяснимое наслаждение. Будь я немкой, быть бы мне в певческом фрейне. А так я ходила конечно же пешком на Большую Полянку в особняк – дом пионеров. Наш хор таскали через дорогу в райком петь песни Ваню Мурадели на открытии партийных конференций. Потом за кулисами кормили бутербродами. Отдав кесарю кесарево, затворясь в своем особняке, мы пели Гречанинова и Чеснокова. У нас был умница руководитель Анатолий Александрович Луканин. Меня он любил за любовь к своему делу. Встретив через годы в консерватории в хоровом концерте, целовал мне руки. Как вообще русская жизнь похожа на русскую литературу, именно так, а не наоборот. «Моей любезной ученице Елизавете Калитиной!» Мне любо, что я Наталья Ильинична. Наташа Ростова была Ильинична – отец ее был граф Илья Андреич. Споем же квартет в ее честь! Давно уж заметила, что всякий русский человек есть один из братьев Карамазовых. Я – Дмитрий Карамазов, мой сын Митька – Алеша Карамазов, сын Андрей – Иван Карамазов.

А на фортепьяно-то я по нашей нищете не училась. Учительница пеня позволяла мне играть одним пальцем. Учи-

тельница же литературы Неонила Матвеевна Павленко водила меня в буфет, кормила сметаной и винегретом. Она же доставала мне бесплатные путевки в пионерлагерь завода-шефа. Благодаря ей я впервые выехала из города. Вспомните леонид-андреевского мальчика из парикмахерской! Вот, Господи, мои учителя наплатили меня аки ворон Илию пищею духовной и телесной. Дай моей книге жить во времени ради вящей их славы!

29. Антисемитизм

В школе меня били по подозрению в еврействе. Позднее мой второй по счету муж, выгораживая меня перед своими родными, говорил, что вот де и на Белорусском вокзале портреты героев Бородинского сраженья все похожи на меня. Непролетарский тип воспринимался как нерусский. У меня была своя палачка – лютая девочка из барака, с пронзительными глазами в ободочках, вожак волчьей стаи. Спасенье пришло неожиданно. Однажды мы с одноклассницей спортсменкой-юниоркой Лилькой Вахитовой стащили в кабинете юннатов и съели гидропонный огурец, после чего проворно вылезли по водосточной трубе из окна второго этажа. Буйная Лилька меня зауважала и не захотела более терпеть униженья хорошего человека. Она подкараулила один на один мою мучительницу, затащила к нам в класс, избила, не оставив живого места, и примолвила, за что наказует. Мои страдания прекратились. Однако антисемитизм я испытала на собственной шкуре и шкурой же помню. Я не позволяю никому ни малейшей антисемитской ухмылки. На работе к нам в комнату являлась комсомольская секретарша: «Позовите, как его, не выговорю, Ай-зен-штад-та!» Я прицеплялась к ней: «Скажите – мы из Кронштадта», и не отвязывалась, пока та не говорила. «А теперь скажите – позовите Айзенштадта». Комсомольская богиня ретировалась от гре-

ха подальше.

Кстати, мать не терпела антисемитизма. Она говорила: «Это неблагородно!» – что в ее устах было самым сильным ругательством. Потом обязательно вспоминала Левитана и Рубинштейна. В самом деле, в прежней России еврей мог креститься и получить равные со всеми права. В советском же государстве – никоим образом. Я видела официальный советский антисемитизм, ограничения в приеме на работу и все такое прочее. Видела также и то, что при всех ограничениях еврейская группировка переигрывает русскую пролетарскую в борьбе за место у советских и постсоветских кормушек. Еврейская туфта как примечательная разновидность советской туфты заслуживала бы отдельного описания. Но старые русские в свалке не участвовали, и я только руками разводила на проделки своих любимцев.

30. Прореженные

Старых-то русских практически не осталось. Их так крепко проредили – колос от колосу не слышать человеческого голоса. Выжили в основном колаборационисты. Племянник Сережа Скурский недавно взвыл по телефону: «Мне сорок лет, я поседел, и я не видел себе подобных». На что я ему отвечала, что мне пятьдесят семь, и я все их потратила на те же поиски. Я всю жизнь сражалась с одиночеством, как белая козочка господина Сегюра всю ночь дралась с волком. Я швырнула в бой все свои войска, и все они были разбиты. Я искала днем с огнем, я сбила себе ноги и практически ничего не нашла. Но я видела такой плакат. Напечатано без пропусков **НЕТВЫХОДАНЕТВЫХОДА** без просвета на весь лист. Если же приглядеться, в одном месте напечатано отдельно: **НЕТ ВЫХОДА**. Это и есть просвет. Выход есть, его надо искать.

31. Как мы выжили

Война, мать стоит в очереди, я падаю в обморок на пороге булочной. Женщины снимают со своих краях довески величиной с наперсток и отдают мне. Мы весь день набиваем папиросы. Отец, заводской инженер за шестьдесят, по вечерам меняет их на хлеб у Даниловского рынка. Там стоит черный ворон – в моей памяти длинный и худой маленький автобус. Мы дрожим за отца каждый вечер. Работаем при коптилке, моя задача – засыпать табак в машинки. Мать поет ангельским голосом: «В храм я вошла смиренно Богу принести моление, и вдруг предстал мне юноша, как чудное виденье». Тени матери и сестер качаются передо мной на стене.

Отец приносит манку – в глубине опилки. Сосед Перегонов дарит нам подстреленную им из охотничьего ружья ворону. Мы ее варим, она горькая. Это не в Ленинграде, это в Москве. Но цела еще в неприкосновенности отцовская коллекция русской живописи. Вопрос об ее продаже обсуждению не подлежит. Репин, Поленов, Нестеров, Коровин – все цело.

Помню аэростаты в Нескучном саду, заклеенные крест накрест окна, затемнение, помню печку-буржуйку с трубой в форточку. Бомбежки, дежурства отца на крыше. Помню шарящие по небу, переkreшивающиеся лучи прожекторов. Помню первые дни войны – мы прячемся в метро, мать си-

дит на узлах и не подпускает меня к краю, к рельсам. Значит, ясно помню себя с полутора лет.

32. Школа в войну

Сестра пошла в школу в 43-м году, раньше школа была закрыта из-за бомбежек. Каждой явившейся на занятия ученице выдавалась баранка и конфета-подушечка. Как-то учительница задала нерадивой ученице риторический вопрос: «Зачем ты ходишь в школу?» Та отвечала честно: «За баранкой». Отопления не было, писали в перчатках. Свет гас, находчивая географичка со свечой и глобусом демонстрировала солнечное затмение. Спускались по темной лестнице все вместе, учительница говорила строго: «У меня есть блокнотик, карандашик и фонарик – я всех могу записать».

Учительница должна была водить учениц в баню, на каждую выдавался обмылок. На урок приходила медсестра, проверяла головы и при необходимости уводила кого-то к себе в кабинет стричь под машинку. Остриженная девочка куксилась до конца урока.

33. Похвала сестре

Моя щедрая сестра приносила мне баранку и конфету-подушечку из нетопленной школы 43-го года. Моя добрая трудолюбивая сестра шила мне платья с оборками, производившие на меня неизгладимое впечатление во времена избалованного детства. Моя талантливая сестра в тринадцать лет написала пьесу в стихах о куклоедах, которую я помню наизусть. Моя прилежная сестра прошла со мной в моем отрочестве полный курс филологического факультета педагогического института, где она училась. Моя благородная сестра сумела из дерьма сделать любовь всей жизни, не в пример мне. Вижу, как маячит впереди меня в коридоре времени ее трагикомичная фигура. Будем же любить ее, пока она еще с нами, мы уже довольно пробросались людьми.

34. Руины и сокровища

Подле нашего дома был разбомбленный, коего фундамент уже покрылся землей и зарос травой. Под ними крылись черепки довоенной фарфоровой посуды – осколки мирного быта людей, Бог весть живых ли. Мы выкапывали эти сокровища, пытались сложить рисунок. Потом перезахоранивали в тайном месте – наши клады. Зимой, когда печальные руины покрывались снегом, мы катались с них на санках. Я даже въехала лбом в стену своего дома. Суди сам, мой читатель, сильно ли это отразилось на моих умственных способностях.

35. По главной улице с оркестром

Близко Малой Тульской, улицы моего детства, находился Гознак. Там печатали деньги. На возвышенье под навесом стоял часовой, как зайчик на пенечке. Каждый день из казарм с Большой Тульской на Гознак под оркестр шла рота караульных солдат. При звуках медных труб я теряла рассудок и сопровождала их от дома до самых ворот Гознака. Вечером они возвращались с оркестром же, и я паки бежала с ними – от дома до казарм. Когда же 1-го мая от фабрик с Варшавского шоссе под музыку шла демонстрация, я шествовала впереди оркестра до Каменного моста. Там меня шугали. Звуки труб могут меня увести от всего на свете. В день страшного суда поднять меня из гроба будет нетрудно.

36. Арест отца

Если ты, мой читатель, до се этого не знал, знай теперь, что в советское время облигации государственного займа на службе всучивались насильно, деньги же за них вычитались из жалованья в рассрочку. Люди безденежные продавали их за бесценок с рук у рынка, вот как недавно ваучеры. Но если за продажу ваучеров никто никого не сажал, то за продажу облигаций сажали. Это и погубило бедного моего отца. В один прекрасный день мы его не дождались. Его взяли с улицы, и через пару часов пришли с обыском. Описали сохраненную в голод отцовскую коллекцию. Ни в каких музеях ее потом никто не видал, она канула бесследно и бог весть у какого начальства обреталась. Соседка Евгения Михайловна Танберг, притянутая в качестве понятой, с огромным риском для себя спасла умильную васнецовскую Богоматерь. Меня выгнали на лестницу, и там вашу покорную слугу на протяжении долгого шмона дразнили девочки из воровской семьи Бушиных с пятого этажа – вот де и твой отец вор.

37. Одни

Отец попал в кемеровские лагеря. Мы остались в печальных пустых стенах. Мать пошла делопроизводителем в контору домоуправления – выдавать справки. Днем я сидела у нее на сейфе, или же мы с ней вместе ходили в милицию с домовыми книгами. Вечером собирались сумерничать, но уже не все – мать, две старшие сестры и я. Читали вслух – «Грабеж» и «Пугало» Лескова, «Сверчка на печи» Диккенса, «Ундину» Жуковского. Мать продала много книг из родительского дома. Альбом шотландских акварелей уцелел благодаря тому, что я во младенчестве обстригла ему поля. Мне он теперь в награду и достался.

38. Евгения Михайловна Танберг

Кто-то клал нам в почтовый ящик небольшие деньги, по три, по пять рублей – думаю, что она. Высокая стройная старуха отличалась смелостью, эмансипированностью, нелюдимостью и умеренным нюдизмом. Меня она облюбовала для передачи всех перечисленных свойств. Даря мне, дитяти, стеклярус от старинных штор, она приговаривала бесстрастным голосом: «Мужчины всегда подавляли мою индивидуальность». Я мотала на ус.

39. Дриада

Ты, мой читатель, должно быть заметил, что хаос мой просветился и устроился. Я кой-как соединила распавшуюся цепь времен, и вместо сбивчивых излияний из-под пера моего полились довольно гладкие мемуары. Так вот, я стала дриадой. Из города пока не выезжала, как Тристрам Шенди до середины книги еще не надел штанов. Пряталась в парках. Однажды мы с классом пошли гулять не куда-нибудь, а на Канатчикову дачу. Я забылась среди деревьев и не заметила, как все подхватились и ушли. Когда меня потом брали, сказала задремавшей на траве, чего на самом деле не было. После этого стала убегать из дому. Нашла дорогу в Нескучный сад – пешком по трамвайным рельсам. Вход был платный. Я висла на кольях забора, разрывая полосами сшитое ангелом-сестрицей платье в оборках. Иной раз, когда по реке шел катер, съезжала на всегда готовом экипаже с песчаного обрыва, становилась на парапет и махала ему рукой. Я была счастлива.

40. Фронда

В школе я ушла в глухую оппозицию. Ходила лишь на уроки нравившихся мне учителей, остальное время сидела на школьном чердаке и довольно внятно пела. Частенько меня слышали и за мной приходили. У меня была «оборудованная парта» с прорезью, заложенной вынутым бруском. Я всегда держала под партой раскрытую книгу. Однажды ее отобрали, это оказались «Былое и думы».

41. Марина Скурская

Из вырезанной нашей родни, благодаренье Богу, осталась Марина Скурская, моя великовозрастная кузина. Когда ее мать в гражданку умирала от туберкулеза, Марина ходила кругом ее одра, бубня: «Если ты умрешь, я наемся бузины и тоже умру». К счастью для нас, четырехлетняя сиротка своей угрозы в исполнение не привела. Я помню еще сравнительно молодую веселую Марину, играющую с нами в шарады в одной из семейных квартир в Сверчкове переулке. Снуя взад-вперед, Марина одна изображает целую очередь за батонами и хватает поленья в качестве батонов. На Сверчкове переулке жива аура прежней жизни. Квартира уплотнена многочисленными жильцами, имя им легион, однако почти не разграблена благодаря авторитету покойного физика Сергея Анатольевича Богуславского, материного кузена. Елена Анатольевна Богуславская, пока была жива, приютила опальную Марину по приезду из Сибири. В другом аспекте Марину тогда же приютила Зоя Дмитриевна Шостакович. Под ее началом Марина работала в зоопарке, нося пальто с ее плеча и юбку с ее же условно говоря плеча.

Теперь, когда я это пишу, Марина стара и очень мрачна. Ее сын физик Сережа Скурский работает в институте Курчатова и по вечерам проверяет билеты при входе в метро. Марина воскресает лишь на Пасху, и, христосуясь с ней, я

вспоминаю счастливую игру в шарады после войны.

42. Смех и слезы

После войны еще жива была скорбной жизнью тетушка Вера Валерьевна. Она вынесла революцию и 37-й год, а вот во время оккупации Орла впала в душевную болезнь, от которой более не излечилась. А ведь была и война 14-го года. В орловском имении деда Дмитровском и соседнем Киреевском, данном за другой материной сестрой, в замужестве Шермазановой, работали пленные немцы и мадьяры. Тогда насмешливая тетушка Вера писала:

Столпотворенье в Вавилоне,
Ей-богу, было дребедень.
Его я, сидя на балконе,
Могу увидеть каждый день.
Вокруг австрийца девки пляшут,
Их восемь штук, а он один,
И между тем мадьяры пашут
Без лишних слов за клином клин.
Зачем же немец, маму бросив,
На драку с нашими полез?
Про это знает Франц-Иосиф,
Или, верней, сам лысый бес.
Но кто это ползет с косою,
Минуя флигеля крыльцо?
Я вижу, радости не скрою,
Родное русское лицо.

Се Веденей, туземец кровный,
Увы, и кровный же дурак.
Скосил не то, скосил неровно,
Скосил не там, скосил не так.
Смотрю, и думаю, и плачу.
Пойду, чтоб долго не скорбеть,
На шермазановскую дачу
Петрене Иштвана смотреть.

Потом, как сами знаете, была революция, и в голод тетушка Вера писала для всеобщего ободренья сладкие стихи:

У Эйнема куплю шоколада,
В плитках, в бомбах, с начинкой и без.
Всех пирожных по фунту мне надо,
У Каде закажу торт англез.
Для решенья дальнейших вопросов
Ждет меня на углу площадей
Неизменный мой друг Абрикосов
И шестнадцать его сыновей.
Наберу я всего и помногу,
А вернувшись, начну истреблять.
Приходите ко мне на подмогу
К самовару часов этак в пять.
Вспомним молодость светлую нашу.
И какие же мы дураки,
Что не полную выпили чашу
И знавали минуты тоски,
Что мечтали о призрачном счастье

Посреди ощутительных благ,
И когда были дешевы сласти,
Погружались душою во мрак.
Всё мы вспомним, и всеми зубами
Мертвой хваткой вопьемся мы в торт.
То, что наше, мы скушаем сами,
И того не отнимет сам черт.

Смех сквозь слезы завещала мне моя не готовая к столь жестокому миру тетушка.

43. Дедушкино завещанье

Дедушка Валерий Николаич завещал мне любовь к фольклору, коего был страстным собирателем. Крестьяне прозвали его «простой барин». В русской рубахе с подпояской он не ходил, но как только слышал народные песни, с места не сходил, пока не допоят. Я точно так же намерен в мороз стояла посреди дешевого рынка у Киевского вокзала, пока хохлы не допели на голоса свое хохлацкое. Знаю от матери орловские песни, каких больше нигде не сыщешь. Вот:

Уж как по морю на досточке,
Разломило мои косточки.
Пойду к матушке пожалуюсь,
Скажу – матушка, головушка болит,
Государыня, неможется,
На деревне жить не хочется,
Во деревне молодежь не хорош.
Ты отдай-ко меня, матушка,
Отдай меня во Додурово село,
Во Додурове ребята хороши,
Во всю улицу танок завели.

И помирать буду, буду помнить, откуда я – я из русской песни.

44. Не ждали

А вот и отец пришел, не в тот день, когда мы его не дождались с рынка, а без малого через три года. Немножко не домаялся – амнистия вышла после смерти Сталина. Когда его спросили, тяжело ли было, сурово ответил: «Посильно». Гляжу теперь через Ветлугу в леса, уходящие на Вятку, и лучше понимаю его строгий нрав. Он пришел богатырем, как и уходил, а лет ему уже было предостаточно. Принес альбом своих карандашных зарисовок из лагеря. Услыхал, как я пою за стеной «Ой, да ты, калинушка» и попросил: «Спой сначала».

Не спущай листы во синё море,
По синю морю корабель плывет,
Как на том корабле три полка солдат.
Офицер молодой Богу молится,
А солдатик часовой домой просится.

О картинах своих не спросил и пошел оформляться на тот же завод.

45. Спаси и сохрани

Через много лет на своей четвертинке дачи в Купавне нашла я в корешке «Робинзона Крузо» пожелтевшую бумажку. Неразборчивым взрослым почерком была написана строка из неизвестной мне молитвы. Дальше детской куричьей лапой приписано: «1938 что бы папу не арестовали Юра». От купавенских соседей знаю, что Юрин отец ареста избег, хоть и знался со всякими такими людьми. Я находила оберточную бумагу с карандашной надписью: «Такому-то имярек от наркома промышленности». Стало быть, Юрино прошение в небесной канцелярии не затеряли, как сказала бы моя вольнодумка мать.

46. Хоть и поспешный, но удачный выбор

В 16 лет мне было Божие внушенье, чтоб не соваться мне в гуманитарные профессии. Я довольно четко увидала, что на таком поприсе мне не миновать изолгаться, чтобы не сказать хуже. И, не долго думая, я бросилась в холодные объятия математики. В свое время прадед, декан химического факультета Московского университета, приказал деду моему получить математическое образование. Тот не смел ослушаться, но в жизни занимался чем угодно, только не математикой. В частности, писал славные русофильские поэмы:

Улеглась метель, спаслись от смерти верные.
И сказал тогда Иван Петрович Гневошев:
«А не нам казнить, когда Бог милует —
Знать, Он сам велит принять нам тебя, сношенька»,

И все подряд такое же уютное.

Милый дедушка, с которым я в этом мире разминулась во времени! Знал бы он, какое спасенье математическое образование при советском строе! Какое это убежище, какая экологическая ниша! В самом деле, математика сложна, в ней не всякий научится плавать. Следовательно, это отнюдь не проходной двор. А дурные люди обычно не очень умны —

Господь так плохо своих даров не положит. И наконец, мой читатель, согласись со мной – дважды два всегда будет четыре, что при Сталине, что при Гитлере. На многие темы тебе, математику, высказываться не придется – целее будешь. Похоже, не я одна все это увидала молодыми ясными глазами. Сейчас я знаю, что наша мехматская профессура была сплошь дворянской. Начать с Андрея Николаича Колмогорова, нашего декана – он дворянин Тамбовской губернии. И так-то все. Стала я недавно смотреть «Высочайше утвержденный перечень дворянских родов Российской империи» и всех наших профессоров, записанных во младенчестве, там нашла.

Сказано – сделано. На всех парусах влетаю на мехмат. Я никогда не разочаровывалась в своем поспешном выборе профессии, чего никак нельзя сказать о других моих поспешных выборах.

47. И вот нашли большое поле

Это не про поле деятельности, открывшееся мне, а непосредственно про Бородинское поле. Сразу по поступлении в университет нас с пылу с жару послали в колхоз грести сено. Оно сохло вокруг Шевардинского редута. Уже зачисленные, мы с легким сердцем ворошили его, такое душистое. Подымая головы от граблей, видели всякий раз памятник павшим русским, редут оборонявшим, и его визави – обелиск с орлом в честь погибших французов, редут штурмовавших. Бородинское поле было в большей своей части засеяно овсом. Вечерами мы бродили в нем, как стреноженные кони, отыскивая многочисленные памятники, читая надписи и грезя о славе отечества.

48. Магистр математики

Вот как Святослав Рихтер, увы, теперь уже – был – магистром музыки, так вот и Андрей Николаич Колмогоров был магистром математики. Сейчас я читаю лекции по теории вероятностей после тридцати пяти лет нефтяной халтуры. Это перестройка потрясла-потрясла, и хотя бы один шарик попал в свою лунку. И стоит надо мной великий магистр, жуёт белыми щеками, держит двумя руками мел возле губ, будто собирается его сейчас сгрызть. При этом говорит какие-то общие вещи, после которых всё в голове выстраивается. Надо сначала увидеть, что собственно здесь должно иметь место, прикинуть свою догадку на частном случае, потом приискывать доказательства своей правоты. Если догадка верна, то и доказательства будут. И благоговенье перед истиной охватывает меня через сорок лет столь же сильно, как в юности. В хорошее дело я встряла!

49. Пока еще все хорошо

В своей новой студенческой жизни я делаю все то же, что умею. Вылезаю на крышу из окна аудитории 1408. Пою в университетском хоре, громко разучиваю партии в перерывах между лекциями. Бегаю в аэродинамической трубе на стройке корпуса механики, как кролик внутри удава. Однако скоро мне придется пасть жертвой хрущевского приема в университет вне конкурса взрослых, уже поработавших людей. Тут бедный кролик побегал недолго. В восемнадцать лет мне предстоит выйти замуж и делать то, чего я делать не умею. Но это уж после целины.

50. Еду на целину

По окончание первого курса меня взяли работать вожатой в пионерлагерь. Тут вдруг слышу, что наших снаряжают на целину. Пока я доработала смену, они уж были таковы. Я испросила в комсомольском бюро персональную путевку и – туда же за ними. Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Уложила весь багаж в школьный портфель, села без билета на поезд с Казанского вокзала, и поминай как звали. Однако ж в дальних поездах я сроду не ездила. Мне бы сесть в общий вагон, коих в медленном нашем поезде было в преизбытке. Я же попала в спальный. Залезла на третью полку, положила под голову старенький портфель и погрузилась в мечты о восточных пределах нашей евразийской страны. Думала о том, кто были те инородцы, без разбора названные татарами, что подщетишили Ивана Северьяныча. Вернее всего, калмыки. А может быть, мои будущие знакомцы – казахи? И пятки мои заранее чесались.

Тут некто сильной рукой стащил меня за ногу вниз, как меня не раз уже стаскивали на протяжении этой хронологически не вполне упорядоченной книги. Я сунула кондуктору, а это он и был, под нос свою путевку. Кондуктор не взял на себя политической ответственности ссадить меня с поезда, но осуществил привод меня к начальнику его. Тот почесал в затылке и дал команду отвезть меня в общий вагон. Там

я и ехала четверо суток. Поезд наш стоял на иных станциях по три часа и более того. Я хлебала горячие щи за столиком прямо на перроне. В Канаше сели к нам чувашки – сплошь в розовых ситцевых рубахах, с групповой путевкой на целину и групповым бесплатным билетом. Я приободрилась и ловко подмешалась к ним, будучи черна, как дочь печенег. Вскоре я выучила ихние чувашские песни и пела, дико вращая глазами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.